

захватъ, чтобы хотя не только сценами, но мгновениями скрыть отъ глазъ современнаго зрителя старомодную условность, слащавую чувствительность и риторичную фальшь пьесы?

Антиражъ не облегчалъ артисткѣ ея задачи. Въ самомъ дѣлѣ, нелѣпую роль Армапа теперь совѣстно играть маломальски интеллигентному актеру, и, быть-можетъ, въ этомъ смыслѣ вчерашнее исполненіе г. Максимова должно быть поставлено ему въ заслугу.

Можно ли искренно сыграть отца Дювали, чувствительно-слезливаго палача своей жертвы? И правъ г. Балакиревъ, что онъ не игралъ, а читалъ свою роль.

Не лучше и остальные персонажи, казавшіеся теперь манекенами.

Въ такой мертвящей всякое искреннее чувство обстановка г-жа Рощина-Инсарова должна была живой водой своего таланта брызнуть на поблекшій образъ Маргариты и заставить ее жить, смѣяться и плакать передъ нами.

И артистка сдѣлала это.

Я не стану вмѣстѣ съ театрами зазваски Сальери «повѣрять» воспоминаніями о Дузе, Саррѣ Бернарѣ одну за другой детали исполненія г-жи Рощиной.

Отмѣчу только, что если первые два акта оставили публику нѣсколько холодной, то въ третьемъ актѣ сцена объясненія съ отцомъ Дювали и затѣмъ прощаніе съ Дювалемъ безраздѣльно покорили артисткѣ весь залъ, притановшій дыханіе, когда, какъ бы отрывая куски своего сердца, сочащагоса кровью, Маргарита повторяла:

— Я люблю тебя... Люблю тебя...

Опять нѣсколько холодище четвертый актъ, кстати сказать, какъ-то неудавшійся режиссеру, и, наконецъ, смерть Маргариты.

Не берусь рѣшать, такъ же ли «хорошо умираетъ» Рощина, какъ Дузе, но она умираетъ,—и этого довольно, чтобы театръ зампралъ вмѣстѣ съ ней.

Не удивляюсь оваціямъ безъ конца, не удивляюсь безконечнымъ корзинамъ цвѣтовъ.

Н. О.

Русская смена 1912

„Дама съ камеліями“.

Послѣ шумнаго успѣха «Обнаженной» театръ Незлобина, очевидно, искалъ «чего-нибудь въ томъ же родѣ».

Вспомнили о старикѣ Дюма и рѣшили, что Маргаритой Готье потрудно подогрѣть энтузіазмъ публики, вызванный сценическими переживаниями Луизы Кассанъ.

Старикъ Дюма, конечно, писалъ не хуже Анри Батайя. Очевидно, есть что-то неумирающее трогательное въ его «Дамѣ съ камеліями», если этотъ образъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ плѣнялъ даже такихъ артистовъ, какъ Дузе.

«Обнаженная» умереть, быть-можетъ, раньше, чѣмъ износится костюмы ея первой постановки, а «Дама съ камеліями» живетъ, но,—увы!—время не пощадило и ся.

Потускили ея страстные тирады, романтизмъ ея покрылся пылью банальности, давно раскрылись настежь тѣ двери, въ которыя такъ горячо стучался Дюма.

Молва приписывала инициативу въ постановкѣ пьесы Дюма г-жѣ Рощиной-Инсаровой. Артистка, будто бы, хотѣла «аттестата на Дузе».

Этой молвѣ я рѣшительно не вѣрю и на г-жу Рощину-Инсарову смотрѣлъ вчера, какъ на жертву.

Большой артисткѣ, какъ г-жа Рощина-Инсарова, никакіе аттестаты не нужны, между тѣмъ Маргарита Готье потребовала отъ нея неумовѣрной затраты первыихъ силъ.

Попробуйте вы, человѣкъ двадцатого вѣка, серьезно и съ чувствомъ прочесть «Стонетъ сизый голубочекъ»,—и вы поймете тогда въ сотую долю трудности той задачи, которая предстоитъ артисткѣ, призванной играть «Даму съ камеліями».

Какой огромный первый подъемъ нуженъ артисткѣ, какой всепокоряющій